

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И АВТОРСКАЯ ПЕСНЯ: ПРОБЛЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

© 2007 г.

Н.А. Силина

Тюменский государственный нефтегазовый университет

twinkledream@yandex.ru

Поступила в редакцию 31.05.2007

Анализируется взаимовлияние интеллигенции и авторской песни как двух исторически связанных между собой субкультур. В качестве основы для исследования использованы характеристики нравственности, культуры и гражданственности.

Понятие *intelligentia* появилось около двух тысяч лет назад, в цистероновской латыни оно означало «понимание», «способность к пониманию». За это время оно сохранило общий смысл, однако ни ученые, ни общество в целом не могут прийти к единой концепции. Как в латыни, так и в русском языке оно меняло множество оттенков, и к 1881 году Даль определяет интеллигенцию как «разумную, образованную, умственно развитую часть жителей» [1, 2].

Камнем преткновения для современных ученых стал вопрос, следует ли включать в понимание интеллигенции категории нравственности, культуры и гражданственности. Так например, В.Х. Беленький включает в дефиницию культурный фактор и общественные функции, но не считает нужным упомянуть нравственность [3]. Р.В. Рывкина оговаривает исключительно гражданскую функцию интеллигенции в советском обществе (по ее мнению, в российском обществе уже нет такого слоя населения хотя бы потому, что эта функция не выполняется) [4]. Д.Н. Овсянко-Куликовский видит одной из основных характеристик интеллигенции именно нравственность [5]. В.Ш. Нахушев берет на себя смелость включить в понятие интеллигенции все три категории, отмечая при этом, что понятие «интеллигентность» производно от понятия «интеллигент» [6].

В работах К.Г. Барбаковой концепция интеллигенции не ограничена вышеуказанными характеристиками и функциями. И действительно, нравственность и культура или, одним словом, интеллигентность – это, как справедливо замечает автор, «этическая категория, характеризующая высокую степень зрелости личности независимо от социально-классовой принадлежности. В то время как реализация интеллигенцией своих функций, ее

роль в обществе зависят от определенного социального заказа, формируемого властными структурами, с одной стороны, и закономерностями динамически развивающегося общества, с другой» [7].

Нравственность, культура и гражданственность по отношению к интеллигенции являются пусть не неотъемлемыми, но высоко значимыми характеристиками. Поэтому считаю целесообразным начать рассмотрение взаимовлияния авторской песни и интеллигенции именно сквозь их призму.

В первую очередь хотелось бы согласиться с В.Ш. Нахушевым в том, что нравственность определяет не только качественную характеристику интеллигенции, но и еще одну ее функцию (наряду с гражданской) – возвращать духовно-нравственный потенциал общества [6]. Авторская песня в данном случае выступает в качестве средства реализации этой функции, и в этом плане я довольно отчетливо вижу влияние интеллигенции на авторскую песню, ибо в основу последней действительно закладываются нравственные нормы (в то время как в других песенных направлениях их проявление, на мой взгляд, скорее случайно и хаотично). И, образуя замкнутый круг взаимовлияния, авторская песня (уже с заложенными в нее нормами) усиливает нравственность самой интеллигенции, делает ее более интеллигентной.

В качестве примеров я постараюсь выбрать как песни из классики авторской песни 60-х гг., так и произведения современных авторов. Сразу оговорюсь, что не следует судить об авторской песне только по данному выбору цитат и считать ее, например, чересчур морализаторской. Невозможно (и нецелесообразно для моего исследования) охватить многообразие образов, сюжетов и тем, отражающих мысли и чувства поэтов, взявших

в руки гитары. Однако тема нравственности для них безусловно важна. «Совесть, благородство и достоинство – Вот оно, святое наше воинство» – это цитата из самого Б. Окуджавы. И в его же произведениях призывы к искренности, честности, доброте: «Говорите мне, прямо в лицо, кем пред вами слыву», «Давайте горевать и плакать откровенно», «А душа, уж это точно, ежели обожжена, справедливой, милосерднее и праведней она». Песни А. Галича – также оплот ответственности и справедливости: «Не делить с подонками хлеба, Перед лестью не падать ниц», «Люди мне простят от равнодушия, Я им, равнодушным, – не прощусь», «Спрашивайте: как и почему? Как, и отчего, и почему – Спрашивайте, мальчики, отцов!.. Сколько бы ни резать ветчину, – Надо ж отвечать, в конце концов!», «“Не судите, да не судимы...” Так вот, значит, и не судить?! Так вот, значит, и спать спокойно? Опускать пятаки в метро? А судить и рядить – на кой нам?! “Нас не трогай, и мы не тро...” Нет! Презренна по самой сути Эта формула бытия! Те, кто выбраны, те и судьи? Я не выбран. Но я – судья!».

Творчество В. Высоцкого, безусловно, заслуживает особого внимания. В то время, как Булат Окуджава был великим поэтом, Владимир Высоцкий помимо поэтического обладал также и даром харизматического лидера, подкрепленного актерским талантом, и его душа и нравственность, несомненно, до сих пор живут в его песнях и формируют личностные достоинства слушателей. Ярким примером открытого выражения его убеждений является песня «Я не люблю»: «...Я не люблю открытого цинизма, В восторженность не верю, и еще – Когда чужой мои читает письма, Заглядывая мне через плечо... Досадно мне, что слово “честь” забыто, И что в чести наветы за глаза... Я не люблю себя, когда я трушу, Досадно мне, когда невинных бьют, Я не люблю, когда мне лезут в душу, Тем более, когда в нее плюют...». В каждой фразе – стремление к нравственности, порядочности, стремление и самому жить по-совести, и быть окруженным такими же достойными людьми. В песне «Чужая колея» Высоцкий призывает к творческой деятельности и самостоятельному личностному развитию: «Я грязью из-под шин плюю В чужую эту колею. Эй, вы, задние, делай, как я! Это значит – не надо за мной. Колея эта – только моя! Выбирайтесь своей колесей». С одной стороны, В. Высоцкий – народное достояние, он общий для народа и интеллигенции, если спросить представителей

обоих групп, о чем поет для них Высоцкий, и те и другие ответят, что о жизни. С другой стороны, для народа В. Высоцкий – это прежде всего энергетика его хриплого голоса, кипящая энергия жизни, и то, какими словами она выражается, народу не важно, а для интеллигенции, напротив, важны заложенные в словах мысли и чувства и не так важен тембр голоса. Поэтому влияние его творчества на народ и на интеллигенцию имеет совершенно разный характер. Приучить народ думать не в состоянии даже Владимир Семенович Высоцкий.

Наследие Ю. Визбора – доброта, открытость души, честность, мужественность, преданность, способность любить – список можно продолжать бесконечно. «Милая моя, солнышко лесное...» – трепетно поют люди у костров и становятся немного лучше и добрее. А вот пример воспитания мальчиков: «Ведь дело мужчин – пересилив тревогу, надежно держать чуть дрожащий штурвал». И строки о добре и любви: «Обучаю играть на гитаре и учусь у людей доброте», «Моя надежда на того, кто, не присвоив ничего, свое святое естество сберег в дворцах или бараках, кто посреди обычных дел за словом следовать посмел, что начиналось с буквы «эл», заканчиваясь мягким знаком». Ю. Кукин и его песня «За туманом» стали некоторым символом отказа интеллигенции от материальных благ в пользу духовных: «Люди сосланы делами, люди едут за деньгами, Убегают от обиды, от тоски, А я еду, а я еду за туманом, За мечтами и за запахом тайги». И такой мечтой он вдохновляет слушателей: «Вместо домов у людей в этом городе – небо, руки любимых у них вместо квартир». И снова слышится стремление души к воспроизведению духовных ценностей: «И хочется участвовать в рассветов созидании...» и к человечности: «...или это мать кричит от горя, или это люди потеряли веру, или вяжут лилипуты Гулливера... и нельзя узнать, помочь и сделать лучше, а во мне все рвется к свету кто-то, SOS, спасите наши души!..» Барда-философа А. Дольского, как и его аудиторию, не могут не волновать вопросы порядочности, совести: «Уважаемая совесть, где Вы прячетесь? Потерять Вас, растряссти по свету рано мне!..»; преданности: «...чтобы дружба не была обузой, чтобы верность в тягость не была...»; ответственности: «настроить фантастических дворцов и не бояться быть за них в ответе... на громкие слова слывя скупцом»; честности: «...быть искренним, как в час перед концом... играть свободно словом,

звук, цветом, но никогда – ни правдой, ни лицом... так хочется, пока живешь на свете».

Современные авторы примеряют те же нравственные нормы на себя и на свое окружение, а значит, и на современную интеллигенцию [8]. Та же потребность в честности: «Плаваясь в душном пространстве лжи, зажимая уши» (В. Вотинцева), «Как сохранить мне в пути искренность?» (дуэт А. Гейнца и С. Данилова), «Неужто, как прежде, в законе гуляет по свету вранье?..» (С. Матвеевко); бескорыстности, доброте и человеческом достоинстве: «Он не герой и не мессия, он реализуется в несложной схеме – к жизни душою прикипел», «Не говори со мной о деньгах – я не знаю, что это такое. Поговори со мной о покое, о счастье со мной поговори...» (Г. Данской), «Он судьбы себе не выгадывал, доктор Неймарк лечил ребят» (А. Духовской), «Здесь голодная старушка кормит сытого кота», «Не хлебом, а небом единым нас эти холмы берегут» (Л. Захарченко), «Я не видел войны, я смотрел только фильм, но я сделаю все непременно, чтобы весь этот мир оставался таким и не звался потом довоенным» (О. Митяев), «Но сегодня все мое тепло – только во спасение твое», «Знаю: надо быть добрее, но смогу, сумею ли?», «Живи, не завидуй никому и сам выбирай свои пути» (С. Матвеевко); мужестве: «В руках сжимает тоненькую сабельку, чтоб, если нужно, защищать тебя» (А. Духовской); преданности: «Минуй меня, Боже, свобода от самых любимых людей», «Я страдаю, я болею, но, должно быть, не умру, пока дочь, меня жалея, подпевает поутру» (Л. Захарченко), «Сколько было б в жизни и встреч и подруг, но, мой друг, мне без Вас жить не стоит» (О. Митяев); справедливости и совести: «Подались все в господа, а на деле – хам на хаме...», «Гложет совесть мою душу, скуля...» (С. Матвеевко), «Не про все, видать, поется, Что лежало на душе. И не все, видать, поймется, Нынче кто чего поет, Нынче кто в кого плюется, И мозги пока – взлет» (Н. Старченков).

Переходя к вопросу взаимовлияния интеллигенции и авторской песни с позиций культурности, замечу, что авторская песня, безусловно, является элементом культуры и любое ее соприкосновение с интеллигенцией повышает культурность последней. Я считаю, что профессиональных бардов можно без особых оговорок отнести к категории гуманитарной интеллигенции, они такие же работники интеллектуального труда, как и писатели. Существует некоторая особенность

авторской песни, которая позволяет не вымирать одноименной субкультуре несмотря на то, что ее первоначальная функция в обществе давно утратила свою актуальность. Как заметил на одном из своих концертов Ю. Кукин, авторская песня использует настолько, казалось бы, простые формы, как литературные, так и музыкальные, что большинство слушателей наивно полагают, что они могут написать свою песню, нисколько не хуже. Это довольно сильный стимул для творчества, и, хотя от первой песни до песни, за которую не стыдно, приходится пройти долгий путь и не все его осиливают, именно этот стимул является причиной появления новых профессиональных бардов, пополняющих ряды интеллигенции.

По моему глубокому убеждению, песенному жанру не свойственна рефлексия, песни призваны развлекать народ, но авторская песня – это, как сказал Б. Окуджава, «песня для думающих людей», ее основная аудитория – это интеллигенция, поэтому она не избежала рефлексии. Вопрос культурности для интеллигенции неразрывно связан с проблемой снобизма. Лирический герой песни Т. Шаова «О пользе и вреде снобизма» – типичный интеллигент, гордый своей культурностью и рефлексирующий по поводу своего снобизма: «На диване я, как древний грек на травке, Разбавляю, как Сократ, водой портвейн, Генри Миллера читаю, Джойса, Кафку, И снобизм свой, занюханный, лелею», «Вот сосед – прикинулся банкиром, Пьет «Клико», к валютным ездит дамам. Правда, Сартра путает с сортиром, А Ван-Гога путает с Ван-Даммом», «Размышляя об эстетике Матисса, Погружаюсь в свой экзистенциализм, Я бы тоже, может, дернул по актрисам, Да мешают, вишь ты, бедность и снобизм», «Вот другой сосед, – тот люмпен неприличный, Бедный Йорик, жертва пьяного зачатья. Для него Бодлер с борделем идентичны. Ну а Рембо и Рембо – родные братья», «Пушкин умер, на жнивье – туман да иней, Из деревни слышно рэповую песню, Над седой усталою страны равниной Гордо реет непонятный буревестник.» И у А. Козловского «Человечек» к тому же вопросу: «Ты выходишь за порог, крылья-плечи, Полуптица, полу-Бог, человек, Созная, от чего отмежеван, Отличая своего от чужого».

Если рассматривать культурность через внешние и даже бытовые признаки, то такие элементы в поэзии в целом и песенной поэзии в частности также встречаются нередко, создавая поэтические образы, так, у Б. Окуджавы: «На

фоне Пушкина снимается семейство. Как обаятельны для тех, кто понимает, Все наши глупости и мелкие злодеяния, На фоне Пушкина, и птичка вылетает»; у Ю. Визбора: «Я приеду, суп поставлю, Я линолеум протру, Васку вымыть заставлю, Катьке сопельки утру», «Когда в мой дом любимая вошла, В нем книги лишь в углу лежали валом. Любимая сказала: – Это мало. Нам нужен дом. Любовь у нас была. И мы пошли со старым рюкзаком, Чтоб совершить покупки коренные. И мы купили ходики стенные, И чайник мы купили со свистком. Ах, лучше нет огня, который не потухнет, И лучше дома нет, чем собственный твой дом, Где ходики стучат старательно на кухне, Где милая моя, где милая моя, Где милая моя и чайник со свистком»; у О. Митяева: «И кто мне всегда говорил, Что хочет счастливой мне доли, И случай меня поселил В большом и ухоженном доме. И скатерть на круглом столе, И завтрак, и ужин – все вместе. И можешь представить себе, Что дети поют твои песни...»; у Л. Захарченко: «Ты рисовал, а я смотрела издали, боясь прервать невидимую нить...»; у А. Козловского: «Нет холода в доме, пока есть вода и заварка, пока для гостей ни того, ни другого не жалко»... «Кухонная тема», между прочим, опять-таки общая для интеллигенции и авторской песни. З. Яценко так охарактеризовала признак русской культуры чаепития: «Давай-ка, пташечка, еще по чашечке, Мы не в Швейцарии с тобой живем: Они стесняются и пьют наперстками, А мы, порусски, души отведем!». Возвращаясь к Т. Шаову, такой тематический комментарий в его песне иронического характера «О судьбе интеллигенции»: «Где, – кричал, – культурная общественность? Вновь по кухням, вновь молчит!», «Видишь ли, – говорит, – в стране тенденция, Просто стыдно говорить: спит теперь интеллигенция, Ну а так как нету Герцена, Значит, некому будить.»

Пытается ли авторская песня стать тем самым герценом? Да, и вчера, и сегодня, и буквально, и иносказательно, и в концертных залах, и на кухнях. Это все те же Б. Окуджава, А. Галич, В. Высоцкий, М. Щербаков, Т. Шаов, дуэт А. Иващенко и Г. Васильева и многие другие... Как отличается ее роль в советском и постсоветском обществе? На самом деле не так много изменилось: авторская песня по-прежнему воспитывает в аудитории независимость мышления, личностный потенциал, критическое отношение к жизненным реалиям. В советское время основной преградой к этому была политика

государства, в постсоветское – власть денег и материальных ценностей, которую не могла не осудить современная авторская песня, выросшая на наследии классиков: «И правда прикрыта гербами Фальшивых и длинных рублей...», «Пей, гуляй, Святая Русь, если нету выхода! А я тоже наберусь, с колокольни выпаду... Мне приснилась с бодуна В казино дорога – Вот где Россию сатана выиграл у Бога!» (С. Матвеев); «Шуршат лимузины, искрится вино, Жратвы в магазинах, как грязи, полно! Текут инвестиции, крепится власть, И даже в провинции есть что украсть! Живем «в шоколаде», а что алчем рубля, Так не корысти ради, а радости для! Триумф креатива – апгрейдинг умов! А главное – пива сто двадцать сортов!» (Т. Шаов).

Какие гражданские чувства авторская песня может пробудить в интеллигенции? Негодование по поводу неразумности экономических и политических решений со стороны государства, неудовлетворенность собственными мыслями и поступками и мыслями и поступками сограждан в отношении друг друга и государства в целом, патриотизм, любовь к Родине, ответственность перед следующими поколениями. Любовь к России, к Родине, общая для интеллигенции и народа, естественным образом отражается и в зеркале авторской песни: «Ты сказку мне, Аленушка, рассказывай, рассказывай, О тридцатых странах, что все в родной сторонке, – Всю жизнь я слушать стану тебя, моя Аленка...» (А. Дольский). И здесь интеллигенция находит объяснение противоречивости собственных чувств, отличая государство, страну от Родины: «Страна еще не значит – хлеб, А Родина – другое!», «Страна еще не значит – жизнь, А Родина – другое!», «Страна совсем не значит – я, Но Родина – другое!» (Н. Старченков). В то время как любовь интеллигенции к Родине безгранична, ей она обязана жизнью, ради нее можно и даже почетно пожертвовать всем, отношения интеллигенции с государством всегда были скорее напряженные. В советское время авторскую песню часто запрещали, закрывали фестивали, Галича преследовали, стихи Высоцкого не принимали в печать.

Чем была недовольна интеллигенция в советское время? Прежде всего, нарушением прав человека, лишением его личностной свободы, свободы слова: «Вот как просто попасть в богачи, Вот как просто попасть в первачи, Вот как просто попасть в палачи: Промолчи, промолчи, промолчи» (А. Галич). Во-вторых, глупостью и безответственностью

политических вождей (кто у нас может управлять страной? любая кухарка?): «Влез на стул для князей Простофиля, Дурачина! И сейчас же бывший добрый дурачина Ощутил, что он – ответственный мужчина, – Стал советы отдавать, Кликнул рать И почти уже решил воевать. Дальше – больше руки грей, Ежели в силе! – Влез на стул для королей Простофиля, Дурачина! Но был добрый этот самый Простофиля – Захотел издать Указ про изобилье... Только стул подобных дел Не терпел: Как тряхнет – и, ясно, тот не усидел... И очнулся добрый малый Простофиля У себя на сеновале В чем родили» (В. Высоцкий). В третьих, глупостью самого народа, нелепой восторженностью достижениями Советского Союза: «А я, говорю, технолог Петухов! Вот я-то, говорю, и делаю ракеты, извините, Перекрываю Енисей, А также в области балета Я впереди, говорю, планеты всей!» (Ю. Визбор).

Чем недовольна интеллигенция сейчас? Безусловно, агрессивностью политики государства: «И разрешают мне дышать от сих до сих мои ракеты – “Замена счастью”, как выразился классик, лишь мощь и власть их...» (М. Щербаков); «Могильщики нужнее аналитиков. Шекспир все написал о нашей власти. Призвание террористов и политиков – Не понимать, что существует счастье.», «Это ваша война! Это ваши сети! Это наша страна! Это наши дети! Сад вишневым, как кровь. Зреет наше счастье. С нами Бог и любовь – нет сильнее власти!», «Идет война, но это не событие, Живем мы параллельно рядом с нею: Страна не прекращает чаепития, экраны голубые не краснеют...» (Л. Захарченко).

Недовольна интеллигенция размытыми целями, политической неопределенностью государства и непониманием народа, что происходит в стране: «А нас и так лишили многого, нам развеяли иллюзии: Коммунизм, демократия – оказались пустяком! Идеалы наши стырили, горизонты наши сузили...» (Т. Шаов); «Но уверенность в души вселяя, Предводитель ответ дал простой: – Демократия лишь укрепляет Наш родной крепостнический строй!» (дуэт А. Иващенко и Г. Васильева). Недовольна нежеланием народа думать, решать собственные проблемы, и стремлением найти в них внешнюю причину, удобного врага: «Мы, конечно же, мудрее, – Меры нет для дураков: Коль уедут все евреи – Мы найдем других врагов!» (В. Третьяков); «Мешали нам татары, турки, шведы, Мешали добрый царь и злой тиран, Мешали нам буржуи и полпреды,

Мешали пролетарии всех стран, Мешали дураки и бездорожье, Мешали трезвый ум и пьяный бред, Мешали атеизм и слуги Божьи, Мешали все, кто «да», и все, кто «нет». Мешали воровство и щепетильность, Мешали пофигизм и фанатизм, Мешали перемены и стабильность, Пустой прилавок и капитализм. Мешали муж – жене, свекровь – невестке, Соседи сверху, снизу, за стеной, Интеллигент в очках и бомж в подъезде, Родной язык – словесности родной, Мешали гениальность и бездарность, Мешали большинство и меньшинство, Мешали зависть и неблагодарность, А больше всех мешало естество. Нас легче обмануть, чем успокоить. Нас легче пристрелить, чем уберечь. Одной рукой мы пилим, чтобы строить, Другой – строгаем спички, чтобы жечь» (Л. Захарченко).

Недовольна постоянной политической ложью о настоящем и будущем страны и тем, с каким удовольствием постсоветское общество вслед за советским верит этой лжи: «Складно врет номенклатура: Счастье, мол, не за горой, А страна сидит как дура И кивает головой...» (Т. Шаов); «Когда, сменяясь, времена Приводят к вертелу баранов, Не мы ли славим имена Очередных своих тиранов?» (С. Матвеевко)

И, конечно, существует у интеллигента гражданское чувство ответственности за поколение, к которому он принадлежит, и за время, в котором он живет, вот примеры из уже, наверное, трех разных поколений: «И ни церковь, ни кабак – Ничего не свято! Нет, ребята, все не так! Все не так, ребята!» (В. Высоцкий); «Это мы с тобою – Очередь за мясом! Это мы проспали Взрыв под Арзамасом! Это мы засрали Реки и озера! Это мы пустили Под откос “Аврору”! Эка мы, лихие, Утопили лодку! Это Мать-Россию Мы споили водкой! И когда в парадном Ловят кайф ребята – Мы с тобою тоже В этом виноваты», «И когда в Афгане Гибнут наши дети – Мы за это тоже, Друг, с тобой в ответе», «Но не хрусталими И не “Жигулями” Не отдать долгов нам Ни стране, ни маме» (И. Рабинович, С. Матвеевко); «И слово “мы” уже натужно произносится вслух, если нас больше двух, да есть ли свой дух, есть ли собственный вкус у поколения next?.. А что оно выбирает, наше поколение?» (А. Симонова).

При рассмотрении процесса взаимовлияния интеллигенции и авторской песни передо мной возник вопрос, насколько пересекаются эти социальные ячейки по объему. Кажется очевидным, что далеко не вся интеллигенция увлекается авторской песней. Но совершенно неочевидно, какая часть любителей авторской

песни – интеллигенция. Согласно результатам проведенного мной на фестивалях авторской песни опроса, 40,6% экспертов имеет как минимум одно высшее образование, 35% – это школьники и студенты, еще не успевшие его получить. Причем 22,1% экспертов – научные работники, 9% – «свободные художники». Есть медики, предприниматели, инженеры и т.д. [9]. Таким образом, можно предположить, что около трети любителей авторской песни – интеллигенция. И еще одна треть – это молодежь, воспитываемая таким образом, чтобы пополнить ее ряды. Интеллигенция, увлекающаяся авторской песней, относящаяся к ней серьезно (а согласно результатам опроса, это именно так: только для 27,3% авторская песня – это легкое увлечение, для 50,6% – хобби, а для 15,6% – более того – жизнь) – это, на мой взгляд, именно такая интеллигенция, которая нужна России – небезразличная, интеллигентная, мудрая и одухотворенная. Не такая, что не слушает ничего и никого. Не такая, что слушает классическую музыку и смотрит на народ сверху вниз. Не такая, что

слушает популярную эстраду, жаждет наживы и берет взятки. Не такая, что слушает рок и прячет за пазухой пистолет или нож. России нужна человеческая интеллигенция.

Список литературы

1. Гаспаров М.Л. Записи и выписки. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 416 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1–4. – М.: Русский язык, 1978.
3. Беленький В.Х. Еще раз об интеллигенции // Социол. исслед. 2004. № 4. С. 94–102.
4. Рывкина Р.В. Интеллигенция в постсоветской России – исчерпание социальной роли // Социол. исслед. 2006. № 6. С. 138–146.
5. Овсяннико-Куликовский Д.Н. История русской интеллигенции. Собр. соч., т. VII, часть первая. – 5-е изд., СПб., 1914. С. 5.
6. Нахушев В.Ш. Интеллигенция как сообщество пассионариев // Социол. исслед. 2006. № 6. С. 129–137.
7. Барбакова К.Г. Интеллигентная интеллигенция в России – реальная перспектива или фантастика? // Инновации в системе образования. Тюмень: ТГИМЭУП, 2002 – С. 5–75.

INTELLIGENTSIA AND THE BARD SONGS: ISSUES OF SOCIAL AND CULTURAL INTERACTIONS

N.A. Silina

The article examines the mutual influence of the intelligentsia and the bard songs movement, the two historically bound up subcultures. The factors of morality, culture and civic-mindedness are used as the study basis.

8. Силина Н.А. Авторская песня как региональный социокультурный феномен // Художественная культура Тюменской области: Матер. науч.-практ. конф. – Тюмень: РИЦ ТГИИИК, 2006. – С. 129.

9. Силина Н.А. Авторская песня в контексте социально-гуманитарной проблематики // Человек и мир. Социально-гуманитарные исследования: наука в современном обществе: Матер. всеросс. науч. конф. – Тюмень: ИПЦ «Экспресс», 2006. – С. 257.